

М. П. ПОГОДИН

Дневниковые записи 1824 г.

<в изложении Н. П. Барсукова>

<...> Тайнства философии Шеллинга все более и более привлекали к себе любознательный ум Погодина. Он мечтал даже отправиться путешествовать и представиться Шеллингу, и просить его, чтобы он «просветил его и приготовил для пользы целого Севера». «Я добр, — сказал бы ему Погодин, — люблю науку, просветите меня. Возбуждается во мне сильно потребность заниматься философией»... Пока только почтенный Галич был руководителем Погодина в этой премудрости, и он, «переворачивая о Шеллинговой системе у Галича», восхищался чудным ее ходом... Но в то же время Погодин постоянно скорбел о недостаточности своих познаний. «Был у нас Титов¹, — отмечает он в Дневнике. — Говорил, между прочим, с В. И. Оболенским² о *Виргилии*³ в сравнении с Гомером⁴. Я не могу здесь вымолвить ни слова. О стыд! Вечером был у нас Мухин, говорил с Оболенским о Философии, и я опять ни слова»... Погодина пленяла мысль Шеллинга, что «Бог есть душа Вселенной». Положение Шеллинга он силился применить к Истории. «Природа есть незрелый разум, говорит Шеллинг, все творения образуют цепь, из коих в каждом следующем повторяются все предыдущие и вместе является новая степень. Человек есть венец всего творения. В нем отразилась вся природа. *Что прекрасно можно применить к Истории; события должны составлять такую же цепь: в каждом следующем повторяются все предыдущие. Вот точка, с которой смотреть на Историю. Вот предмет для развития*». Строки эти были написаны Погодиным пред исповедью (2 апреля 1824). «Человек в первую минуту, — философствовал он, — своего творения явился только с семенем всех настоящих и будущих способностей. Человечес-

кий род начал жизнь свою младенчеством, а не совершенством. Он должен был развертывать сам все способности. Будущий момент, в котором он по развитию всего явится всем тем, чем он может быть, будет довершением творения. Развить эти мысли для сочинения: *Взгляд на Историю человеческого рода*, которое посвятится с благоговением Шеллингу»... Однажды В. И. Оболенский привез Погодину Шеллинга и Естественную Историю⁵ Окена. Это возвысило его дух, и он стал даже прыгать от радости и тут же взялся переводить речь Шеллинга об искусстве. Увлечение философией Шеллинга у Погодина все росло и росло и достигло до Геркулесовых столбов. Так, он мечтал однажды «об объятии всей Шеллинговой системы» в эпическую поэму *Моисей*. «Нет предмета, — писал Погодин, — богачейшего для таланта. Пою Моисея. Им преобразился Христос, путь к блаженству человеческому. Уже столько-то лет жили Евреи в Египте с отношениями к прежним патриархам. Притеснения Египтян. Рождение Моисея и пиитическое спасение. Каковы, например, будут под великим пером эпизоды: рождение, спасение, царица и воспитание Моисеево, переход чрез Черное море, ниспослание манны, воды, огненный столп впереди, дарование законов Моисею, зрение Бога, откровение будущих судеб человечества, смерть Моисея, описание Обетованной земли. И это все в значениях аллегорических, примененных ко всему роду человеческому. Вся Шеллингова Философия должна здесь явиться. Посвятить такую поэму должно Шеллингу. Учиться! Учиться!» <...>

